

ЗИНАИДА ГИППИУС

КОЛЬЦО
МОЛЧАНИЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Кольцо молчания

Аннотация

«Молодой приват-доцент Райвич ехал верхом в соседнюю усадьбу Коврово – свататься.

Это было... все равно когда, вероятно, давно: еще существовали приват-доценты, верховые лошади, леса вдоль реки; теперь она обмелела, леса свели и сожгли Коврово...»

Зинаида Гиппиус

Кольцо молчания

Молодой приват-доцент Райвич ехал верхом в соседнюю усадьбу Коврово – свататься.

Это было... все равно когда, вероятно, давно: еще существовали приват-доценты, верховые лошади, леса вдоль реки; теперь она обмелела, леса свели и сожгли Коврово.

Но нам теперешнее безразлично; мы рассказываем о далеком предвечернем дне, когда ехал приват-доцент Райвич лесом в Коврово свататься.

Маша ему во всех отношениях – пара. К нему очень мила, и никаких нет оснований думать, что она откажет. Дядя и тетка, у которых в имении нынче гостил Райвич, давно решили про себя, что он непременно на Маше женится, и только удивлялись, что так медлит с предложением. Быть может, удивлялись и Машины родители...

Райвич все это прекрасно знал. Он мог бы посвататься два месяца тому назад, когда темноглазая, веселая Маша только очень ему нравилась. Думал тогда часто, как она улыбнется, скажет ему «да», как они повенчаются, как устроятся... И казалось просто, приятно и мило.

Но потом – странно! – чем сильнее он в Машу влюблялся – тем дальше отступали эти приятные мысли. И свадьба, и жизнь вместе, все это отходило в туман; стал думать об

одном: любит она или не любит? Стал волноваться, сомневаться, бояться: а вдруг не любит? Никаких причин для такого страха не было, а он все-таки боялся, и чем дальше, тем больше, потому что чем дальше – тем важнее ему было знать, одно: что она любит.

Знать важно, а спросить страшно. И молчал.

Он бы и сегодня не поехал. Но вышло как-то, что уж нельзя; выплыла опять необходимость сделать Маше «предложение». Его вызывают в Петербург. Лучше кончить до отъезда.

В каком-то двойном волнении он едет, знает, что «свататься» едет, а не думает об этом, о Маше и любви своей думает тихо и странно. Станным кажется ему день этот; а лес знакомый – точно он в первый раз увидел его.

Сегодня шестое августа, суббота. Предвечерне, и уж немного осенне. Дожди были, а сегодня сразу ясно, стеклянная, желтоватая ясность, и под закат – терпкий холодок стал в лесу.

По мягкой дороге, по самой опушке высокого тихого леса едет Райвич шагом. Негулко по земле мшистой ступают копыта. Так тихо в желтом полном свете, ни шороха, ни голоса птичьего, только порою – беззвучный звук удил, когда лошадь мотнет головой. Да вот еще: далекий, тонкий звон сельского колокола за невидной рекой. Субботний колокол... Почему он тоже как будто желтый, под цвет свету предвечернему и тишине?

Райвичу кажется, что он продолжает думать о своем, но он

уже почти не думает; или какие-то неидушие мысли: вспомнил, что в детстве суббота ему всегда представлялась желтой, закатной и веселой, как этот вечер и этот дальний звон.

Да и праздник сегодняшний, Преображение, яблочный Спас, – ведь и он тоже, в детстве, был желтый и веселый.

Ну и пусть. Впрочем то, что теперь, не веселье: теперь наплывает радость или что-то вроде радости, непонятно-милое, бессловно поднимающее...

Откуда оно? От чего? Может быть, вот, от этого летучего запаха гари, тоже полуосеннего, полувечернего, дымка паутинного с прелью лесной?

Зазеленела дорога вниз, в лощинку, и с обеих сторон обступили ее отемневшие деревья. Холодок нежнее, сырее обнял, в лицо пахуче дохнул. И чем ниже, тем глуше, тем тише...

А звон желтый, тонкий, частый, все плывет, но и он – тишина.

«Верно, любит...» – подумал Райвич, но уже ни одного слова не было в этой мысли: ни «верно», ни «любит». Слово, даже подуманное, все-таки звук. А если душа недоуменно и крылато радостна – она тиха. Пожалуй, бессловные мысли и не мысли вовсе: так, само дыханье души.

Любовь, лучей желтых низ, папоротниковые лапы меж стволами, запах дымка и прели, плывучий звон воздушный, любовь... В одном кольце, в одном объятии – молчанья.

Кажется, лучше не будет никогда.

Или нет: будет. Ведь радость все нарастает. Самая волшебная из радостей – радость ожидания.

Вздрогнула, было, остановилась, когда угас звон. Но тотчас около выпавшего звона опять сомкнулись волны радости, и опять стали расти и подниматься.

Волшебная и нежданная – она не удивляла. Не она ли только и была родная, а все, что не она, все, что было до нее, не сон ли чужой?

За лощинкой, за холмом кончится лес; будет поле, будет поворот в усадьбу... Но до поворота еще, – и есть ли поворот? есть ли усадьба? – Райвич увидел Машу.

Она тихо шла, не навстречу, а впереди, по самому краю лесной дороги, под самыми ветвями низкими. На голове у нее желтоватый шарф, – длинные концы прозрачные.

Не могла она тут не идти. Не мог он ее не встретить. К этой встрече и вела его ожидающая радость.

Остановился, легко соскочил с лошади, бросил поводья. Остановилась и Маша, глядела, темноглазая, на него без улыбки. Без улыбки – и без слова. Да и как иначе? Ведь это была не та Маша, веселая барышня, на которой хорошо жениться, приятно устроившись; но Маша здешняя, лесная, закатная, в закате розовеющая, как уже зарозовел воздух и стволы деревьев.

Тихо и просто она стояла, и он подошел и, едва касаясь, обнял ее плечи.

Может быть, так слышалось, а, может быть, и снова за-

пели, тонкие поплыли звоны вечерние по розовым небесам, углубляя тишину, замыкая в кольцо молчаний любовь, лес, душистую сырость, любовь.

Там в кольце, – мир крылатой радости. Там не удивляло ничто. Не один ли он. Этот мир, – родной, и не все ли, что около него, вокруг него, все, что было, что будет, – как сновиденье чужое?

Есть ли время в нем? Может быть, да, а вернее – нет. Еще розовость деревьев не погасла, еще туман ложбинный не дотянулся до ветвей, – а Маша снова идет одна, легко, вперед, по лесной дороге, по которой обратно идет Райвич – и теперь уже наверное знает:

И не надо, чтоб было лучше.

И, вообще, больше не надо ничего.

* * *

Так молодой приват-доцент Райвич ездил свататься в предвечерний, предвесенний день; а почему из этого сватовства ничего не вышло – осталось для всех непонятным.

Райвич и Маша, если сами и понимали, ничего никому не сказали. Да и как бы могли они? В кольце любви, в кольце молчания – нет слов.